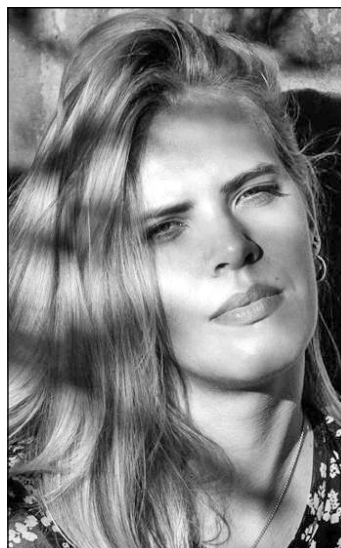

Яна
ОРЕХОВА

ГЕРОИ КУЗБАССА

ОДИН ИЗ 28

В а с и л ь е в. Вот скажи, есть ли такой закон, чтобы жена при живом муже могла от него отказать? Как будто он не муж, а вообще неизвестно кто? Почитай, что она выдумала! У нас же дети! Как же я вдруг ей никто? Да, долго не писал. Думал, будут слезы, упреки. Но не это... Я все изложил, как на духу. Был смертельно ранен, долго не приходил в себя. Девять месяцев в госпитале. А потом память как отрубил. Но только вспомнил домашний адрес и жену свою Клавдию... Спросил про Галку, Толика. Гостинцы, все! Ты почитай...

Письмо

«Неизвестный мне Васильев, вам не стыдно? Мой муж почти год назад погиб под Москвой, похоронка на руках. Я знаю, что вы хотите! Так вот, вы не на ту напали. Откуда вы только узнали имена наших детей! Как же вы можете... Не смейте больше писать сюда письма, забудьте адрес, по хорошему вас прошу, у вас все равно ничего не выйдет!»

П о л и т р у к. А ты чей? Какая дивизия?

В а с и л ь е в. 316-я Панфиловская, 175-й стрелковый.

П о л и т р у к. Где ранило?

В а с и л ь е в. В бою, где еще.

П о л и т р у к. Ясное дело, что не в бане. Не у Дубосеково? Середина ноября, прибыли

к Дубосеково и начали окапываться. Только сняли мерзлый слой земли, как к нам подъехал генерал Панфилов. Его любили все. Ну, ты понимаешь. Подтянутый. Никогда солдат не разносил, как другие офицеры.

П а н ф и л о в. Из роты Гундиловича?

В а с и л ь е в. Так точно!

П а н ф и л о в. Вон там, метрах в восьмидесяти, окапываться лучше. Здесь вы, как на ладони.

В а с и л ь е в. Вырыли мы окопы в полный рост.

К л о ч к о в. Вот если бы еще и накат сделать, совсем было бы хорошо.

В а с и л ь е в. Хорошо-то хорошо. Но из чего? Сняли шпалы с железнодорожного полотна, сделали крышу в три наката, замаскировали землей. Так тихо... (про себя.) Так тихо бывает только перед чем-то страшным. Помню, стою, взгляд в небо поднял, и всего переполнило, как будто последний раз на него смотрю. Так захотелось подольше постоять, но глаза слипаются. И вот первый прилет. Шесть утра. Немец стал бомбить наш правый и левый фланги, самолетов тридцать пять, не меньше. Небо буквально раскалывается на части. Кажется, не осталось ни грамма кислорода. Копоть, дым! И мысль пульсирует: как повезло, что Клочков заставил сделать тот толстый накатник. Двоих засыпало, но мы откопали. И

ОРЕХОВА Яна Эдуардовна родилась в Кемерове. Режиссер спектаклей: «Книга Джунглей», «Человечки», «Булка Серого» и др. Автор пьес: «Герои Кузбасса» (Театр драмы Кузбасса), «Секунда сомнения» (Тамбовский драмтеатр), «Просто жить» (Казанский ТЮЗ, ярославский театр Волкова) и др. Победитель литературного форума «Проводники культуры», мастерской молодых писателей от АСПИР, конкурса «Мы выросли в России». Автор сборника пьес «Мир, дружба и другие сказки». Эксперт проектов «Таврида.Арт». Мастер семинара драматургии Литературного фестиваля им. А. Бельмасова. Член Союза писателей России, зампреда Совета молодых литераторов Кузбасса. Живет в Кемерове.

вот, отбомбившись, самолеты с черными крестами повернули назад.

Сажу в черном холодном окопе. Все эти картинки навязчивые. Клаву вспомнил. Подумал: Бондаренко там, наверное, тоже Лидку вспоминает. Да вообще все, они же тоже там, поди, так же, как и я. Бегут мысли парней по Волоколамскому шоссе. Да нет, никто не тешил себя надеждами. Все все понимали. Вчера старшина Дживаго довольствие принес. Никто не встал и не пошел деньги брать. Нам то сейчас это зачем? Решили: лучше пусть оружия купят. В ведомости расписались и все... Дживаго здорово рассердился. Еще не все, похоже. Танков много, нас чуть меньше 30. Мои мысли прервал Клочков, он подобрался к нашим окопам, стал разговаривать.

Клочков. Мужики! Двигутся танки, придется еще схватку терпеть нам здесь... Танков много идет, но нас больше. Двадцать штук танков, не попадет... на каждого брата по одному.

Васильев. Я выглянул из окопа. Кругом воронки от снарядов и бомб. Горит лес. Горят вражеские танки. Дым, копать закрыли лес. Дышать трудно. Пить! Пить нестерпимо хочется. Раненые просят дать хоть глоток воды. Сорок метров... Двадцать... Нужно ближе подпустить. Нужно рассчитать, чтобы попасть точно в смотровую щель. Я размахнулся. Головной танк остановился. Страшный грохот. Взорвался бензобак. Еще один танк выползает из-за горящей машины. Я жду! Нужно точно. Нужно попасть. Нужно бить только наверняка.

Бондаренко. Кидай быстрее гранату!

Васильев. Нужно наверняка. Точно в цель. (про себя.) Руки потеют. Кажется, что вот-вот граната выскользнет из рук. Я жду. В глазах двоится. Еще немного!

Бондаренко. Давай же!

Васильев. Ну, привет, дорогой. Держи подарочек! Дрогнули и остальные. Откатились назад. На заснеженном поле лежали 14 разбитых танков и 12 моих товарищей.

Васильев. На окоп двинулась следующая колонна танков. Клочков посчитал их и повернулся к нам. Тридцать. В два раза больше, чем нас. Гранат мало. (Он посмотрел внимательно на каждого из нас. И мы все поняли.)

Клочков. Товарищи, наверное, помирать нам здесь придется во славу Родины. Но мы будем стоять намертво. За нами весь мир смотрит, как мы защищаем Москву. Москва – сзади, отступать некуда.

Клочков поднялся в полный рост и кинулся в атаку со связкой гранат в руках.

Васильев. В следующую секунду меня оглушило взрывом снаряда. Я увидел, как политрук в последний раз метнул гранату, и как танк, объятый огнем, остановился у окопа Клочкова. Тогда я взял в руки бутылку с горючей смесью и пошел на следующую машину врага. Глаза и рот разъедала гарь. Снег вокруг почернел от крови. Я увидел искореженное тело Мусабека, который только вчера, когда мы укрепляли окоп, рассказывал мне про своего единственного сына Амира. Он обещал ему вернуться живым, боялся нарушить слово, ведь у Амира больше не осталось ни одного живого родственника. А потом я увидел, как вышел навстречу смерти, обвешанный гранатами, мой друг Яков Бондаренко.

Я в последний раз посмотрел на небо. Такая безграничная пустота. И мысли больше не бежали. Я просто смотрел в это черное небо и удивлялся, как отчаянно хочется жить... и умереть за это небо, чтобы оно было снова чистым... И что-то горячее вдруг коснулось меня...

...Сколько длилось бессознательное состояние – быть может, минуты, быть может, часы, – не могу сказать. Очнувшись, я пополз к своим. Молился и мысленно отправлял спасибо Бате (генералу Панфилову), обувшему нас в валенки, ватные штаны, бушлаты и длинные шинели...

Политрук. Ну, это тебе повезло, что полз ты в сторону наших и не напоролся на немцев... Ведь тебя только на третьи сутки подняли? Вот те раз. Живой панфиловец. Один из 28. Поздравляю с присвоением звания Героя Советского Союза. Правда, посмертно... Разберемся. Ты, похоже, в рубахе родился... Под счастливой звездой.

** ВАСИЛЬЕВ ИЛЛАРИОН РОМАНОВИЧ (1910–1969) – на фронте с 1941 г. Стрелок 175-го стрелкового полка. Рядовой Васильев в бою у разъезда Дубосеково 16 ноября 1941 г. в составе группы истребителей танков во главе с политруком В. Г. Клочковым участвовал в отражении многочисленных атак противника. Группа уничтожила 18 танков. В бою Васильев был тяжело ранен. Звание Героя Советского Союза присвоено 21 июля 1942 г. Награды: орден Ленина (21.07.1942), медаль «Золотая Звезда» (21.07.1942)*

ВАНЯ, САША И ЛЕНЯ

Герасименко. Я, Герасименко Иван Саввич, обязуюсь выполнять все задания, но на любую операцию хочу идти коммунистом.

24 января 1942 года во фронтовой землянке шло партийное собрание.

Герасименко. Меня принимали в члены партии, а моих товарищей Леню Черемнова и Сашу Красилову – в кандидаты. Товарищи, я добуду языка. Честное советское!

Глубокой морозной ночью, 29 января, я и еще чуть более двадцати бойцов собрались на восточном берегу Волхов. Капитан Герасимов пришел нас проводить.

Герасимов. Капитану тоже не спится. Это все потому, что он на вас в маскировочных халатах хотел посмотреть. Особенно на тебя, Ленька. Ты на бабу похож.

Герасименко. Спустились к реке Малый Волховец. Тут только ползти. Иначе точно заметят. Я, Саня и Ленька объединились в группу по захвату «языка». Лед тонкий. Идем друг за другом по два-три человека. От «быка» до «быка». Продвигаемся долго... медленно. Вспомнилось вдруг мамино: «Сынок, ты опять ничего не ел. Мой руки и садись за стол». Домой бы... Кажется, даже щами потянуло. К ним бы сала и кусок черного хлеба...

Выстрелы.

Вдруг возле заграждения выросли два немецких часовых. Они стреляли беспорядочно, как слепые. Я с одной пули убрал первого, Леня пришел второго. Ну что, братцы, кажется, началось. Дзоты тоже били беспорядочно! Да сколько же их?! Непонятно, откуда летит, свистит. Не успеваешь понять. Под ногами тонкий лед и река. Действовать нужно быстро.

Герасименко. Забрасывайте гранатами передний дзот! Первый вражеский пулемет не дышит.

Герасименко. Ленька, бери Саню и закидывайте второй дзот! Я на себя этот возьму. Бьем по амбразурам, проходам, смотровым щелям! (Второй пулемет задохнулся. Не успел развернуться, как что-то горячее ударило в голову. По лицу потекла липкая жижа. Ноги стали ватными. А перед глазами картинка резко как будто рассыпалась. Я хотел сделать шаг вперед, но упал на спину прямо к пулемету. Сквозь выстрелы гвоздит чей-то голос.)

Санитар. Герасименко! Младший лейтенант Поленский приказал выйти из боя! Отползти назад.

Герасименко. Дубина, убери свои тряпки! Что ты меня вяжешь? Все хорошо. Иди вон, раненым помогай. Санитар!..

Санитар. Отползти назад! Герасименко! Вы не выполняете приказ! Отползти назад! Мы оседлали вал. Все, им не скрыться.

Как вдруг в небо взвилась зеленая ракета. Немцы открыли шквальный минометный и артиллерийский огонь по собственным блиндажам. Так вот где вы свои дзоты прятали... Теперь мы в огненном мешке. Голову поднять невозможно. Пути к отступлению нет. Гранат нет. Скоро на этой реке падет весь наш взвод. Весь взвод. Двадцать. Кровь каждого в эту реку. У каждого мать. Двадцать. Их слезы в эту реку. Отцы. Жены. Дети. Друзья. Сорок. Шестьдесят. Сто. Двести. Триста... Сколько еще?

Я оглянулся и увидел глаза Лени. А потом глаза Сани. Двоих друзей, которые никогда не заставляли меня в них усомниться. Мы в едином порыве побежали навстречу огню... И заставили пулеметы задохнуться под нашими телами...

** ГЕРАСИМЕНКО ИВАН САВВИЧ (1913–1942)*

На фронте с 1941 г. Командир отделения 299-го стрелкового полка, сержант Герасименко 29 января 1942 г. в бою под Новгородом со своими товарищами Леонидом Черемновым и Александром Красиловым закрыли телами амбразуру дзота, спасая товарищей. Всем троим 21 февраля 1944 г. присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

ПРОСТО ВЕРА

Война...

*Помню, когда она началась,
почти не было дождей.*

*В воздухе завис тонкий медовый
аромат гречихи.*

Тогда мы с девочками-однокурсницами часто смотрели в небо на пушистые белые облака. Всмотривались и гадали, на что они похожи... Сегодня с неба на нас смотрел голубь. Так отчетливо он сверкнул своим круглым глазом. Валька сказала, что это облако больше похоже на ворона. Да что ей там видно с ее зрением, не знаю. Так и проспорили мы до самого автобуса.

Каждое воскресенье мы с Нинкой, Вальей и Мариной отправлялись на целый день в Загорск. На этот раз решили сходить в музей Троице-Сергиевой лавры.

22 июня. Город полон людей. Теплый ветер ласкает лицо. Мы петляли среди прохожих, торопясь к монастырю. Я вдруг остановилась. С витрины на меня смотрело белое шелковое платье. Оно казалось воздушным. Мне так отчаянно захотелось его примерить...

Наверное, со стороны это выглядело глупо: застывшая фигура, молчаливо заглядывающая в окно витрины... Очнувшись от нахлынувших

чувств, я обнаружила, что девочки уже тащат меня за обе руки в примерочную.

В а л я. Двадцать пять рублей. В отражении зеркала я увидела себя в белом платье.

Н и н а. Как невеста...

В а л я. Вера, ты как невеста в нем!

М а р и н а. Ты не можешь оставить его тут! Ну, посмотри на себя! Какая же ты все-таки красивая!

В е р а. Девочки, ну бросьте вы, это очень дорого!

Валя пристально посмотрела на меня, а потом молча достала деньги и отдала их кассиру.

В а л я. Держи, скоро пригодится!

М а р и н а. Юрка в обморок бахнется. Глаз не оторвать!

Н и н а. Вер, а он когда приедет-то?

М а р и н а. Чего молчишь? Уже поди предложение сделал, а она как всегда. Мы подруги или как? Валька, колись, ты все знаешь! Слышала, она сказала «скоро»!

В а л я. Приедет, узнаете!

М а р и н а. Ну, Вера...

В а л я. Хватит уже глупости говорить, вам лишь бы болтать!

Мы наконец дошли до музея. Вокруг тишина. Мы говорили шепотом и медленно переходили от одной работы к другой. И вдруг эту торжественную тишину прорезало одно-единственное слово. «Война!» – крикнул сотрудник музея, вбежав в зал. Не хотелось верить. До сознания никак не доходил весь страшный смысл этого слова. Ведь только что, несколько мгновений назад, все было спокойно. Мы смеялись, строили планы... Лица людей вокруг изменились. Хмурые, взволнованные, задумчивые. Каждый думал о своем. О своей судьбе. О судьбе сотен тысяч людей. О судьбе Родины. Все, что еще вчера казалось важным, вдруг потеряло значение. Первым же поездом мы вернулись в институт.

Вечер. Лето 1940 года, Кемерово.

Начали выглядывать звезды, и они, не сговариваясь, выбрали самую крупную, чтобы загадать что-то важное, о чем обычно не скажешь вслух.

В е р а. Я остро чувствовала каждый раз, когда он, казалось случайно, касался моего плеча. «Неужели будет война?» Этот вопрос как-то случайно вырвался, ведь сложно было поверить, что может случиться что-то подобное. Иностранное. Что это спокойное небо, эти звезды, все это – скоро станет прошлым, воспоминанием...

Ю р а. Мне кажется, что война будет. Не знаю, когда точно, но будет обязательно.

В е р а. Ну и пусть. Пусть только попробуют. Они еще не знают, на кого нападать собралась. Если начнется война, я обязательно уйду на фронт...

Странно устроены люди! Зачем им сейчас думать о войне, когда так хорошо в этот прекрасный вечер... Ведь скоро они снова расстанутся, а Юрий так и не решится сказать ей о самом главном, о чем хотел написать с финского фронта. По ночам, надев маскировочный халат, он уходил в разведку, оставив старшине роты все документы, недописанные письма и фотографию Веры. И вот теперь они идут рядом, почему-то говорят о войне, а не о самом главном... В тот вечер долго бродили они по опустевшим улицам города, мечтали, пытались представить, что будет через год, когда они закончат учебу и уедут вместе далеко-далеко...

В день отъезда в Москву Веру и Юру провожали родные и друзья. Паровоз дал прощальный гудок, и поезд стал медленно отходить от перрона. Юра и Вера, оба улыбающиеся, счастливые, стояли на подножке вагона и махали на прощание руками.

Таковыми и запомнили их на всю жизнь...

Именами Веры Волошиной и Юрия Двужильного названы вершины воинской славы на Поднебесных Зубьях Кузнецкого Алатау. Вершины смотрят друг на друга. А в Кемерове улицы, названные именами Веры и Юрия, встречаются. И здесь они всегда вместе!

* **ВОЛОШИНА ВЕРА ДАНИЛОВНА** (1919 – 1941) – красноармеец диверсионно-разведывательной группы штаба Западного фронта, заброшенная в 1941 году в немецкий тыл. Герой Российской Федерации (6 мая 1994, посмертно) – за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, орден Отечественной войны I степени (6 мая 1965, посмертно).

* **ДВУЖИЛЬНЫЙ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ** (1919 – 1944) – участвовал в советско-финляндской войне. В 1942 г. окончил Ленинградскую военно-воздушную академию, курсы «Выстрел». На фронте с 1943 г. Командир батальона 878-го стрелкового полка. 23 июня 1944 г. батальон под командованием капитана Двужильного форсировал реки Проню и Басю, освободил деревни Сусловку и Поповку. 25 июня отразил шесть контратак. Погиб 26 июня 1944 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 24 марта 1945 г. (посмертно). Награды: орден Ленина, два ордена Красного Знамени.

ПЯТКА ЧЕШЕТСЯ

М у с о х р а н о в. М-м-м... Пятка чешется. М-м-м... Аж в голове зудит.

Медработница. Мусохранов! Обед! Каша! Как себя чувствуете-то?

Мусохранов. Да вот, пятка чешется.

Медработница. Так почешите ж!

Мусохранов. Так левая же чешется!

Медработница. А вы правую!

Мусохранов. Чесал... Не работает так. Уже вон...

Медработница. Тогда левую чешите. В голове. Тоже мне горе нашел... Сейчас научу. Представьте ногу свою. Ну, эту, левую. Какая она у вас была?

Мусохранов. Как правая... вроде.

Медработница. Ну, вот! Тем более. Представляйте. Глаза закройте-то! Ага... Теперь руку тяните. Да в голове же! Опустите руку-то. Тяните... и как до пятки дойдете – чешите изо всех сил. Ну? Чего? Получается?

Мусохранов. Да все, все. Почесал.

Медработница. Лучше?

Мусохранов. Как вы до такого додумались-то?

Медработница. Да уж... Не первый раз замужем. Вы откуда будете-то?

Мусохранов. 340-я дивизия, 3-й батальон. Ай!

Медработница. Опять нога?

Мусохранов. Врешь, врешь! Так просто ты нас не возьмешь!

Медработница. Это-то ты кому?

Мусохранов. Деду. Он научил. Заклинание волшебное. От всего спасает. Даже от голода.

Медработница (*смеется*). То есть кашу изымаю? Да шучу я, шучу. Ты у меня последний остался. Все, все сыты. Хорошенький-то какой... А ногу-то кому оставил? Неужто немцам отдал?

Мусохранов. Немцам не сдаемся. С-с-с!

Медработница. Да отвлекись ты. И перестанет. Отвлекись. Главное – поел. Значит, жить будешь. Девять операций – еле на ноги поставили! Вон товарищ твой... Все никак разбудить не можем. Зайцев, вроде? Знавал?

Мусохранов. Да... Мы с ним вместе Днепр форсировали. Хороший товарищ. Выкарабкается?

Медработница. Кто ж знает. Чего делали-то? Мы тут только по сводкам все и узнаем... Хоть бы сказывали.

Мусохранов. Зачем это вам?

Медработница. Как зачем? Иначе во что верить-то? Или не помнишь ничего?

Мусохранов. Почему? Помню... В ночь на 28 сентября мы подошли к берегу. Темно. Со всем ничего не видно. Мы старались двигаться как можно тише. Залегли в кустарниках. Немцы стреляли беспорядочно, не прицеливаясь.

Я и Леха Зайцев вызвались добровольцами. Перед нами поставили задачу: форсировать Днепр, захватить плацдарм и удерживать его пулеметом. В лодке нас ждали двое саперов. Боеприпасов взяли столько, сколько могла выдержать лодка. Каждый понимал: лишняя сотня патронов и десяток гранат – это шанс подольше удержат плацдарм.

Днепр... Полноводная река. Ширина до трех с лишним километров. Глубина – до двенадцати метров. Течение – два метра в секунду. Немцы в листовках писали:

«Русским Днепр не взят. Днепр – непреодолимая водная преграда».

Не хватало плавсредств. Наши плыли на бочках. На плотках из бревен. На рыбацких лодках. Наша резиновая лодка, нагруженная до предела, отчалила к вражескому берегу. Немцы перенесли огонь на реку. Снаряды. Мины. Разрывы со всех сторон. Гребли саперными лопатками. Лодка продвигалась вперед. Мы боялись одного: если пробоина – все. С «максимами» только ко дну. А без пулеметов на вражеском берегу делать нечего. Лодка «споткнулась». Отмель. Все растерялись. Паниковать нельзя. До берега – рукой подать. Не можем же мы вот так...сдаться!

А в голове – как будто дед говорит: «Врешь, врешь! Так просто ты нас не возьмешь!»

Быстро подняли пулеметы. Первыми пошли вброд. За нами – остальные. Осталось семьдесят метров... Пятьдесят... Мы по колено в воде. Добрались до суши. Заняли оборону. Вперед пошли пехотинцы, связисты, минометчики.

К концу месяца наши удерживали двадцать три плацдарма. Двадцать три!

Русским Днепр не взят! Еще чего? Так просто нас не возьмешь! Во как!

Медработница. Нога перестала чесаться-то? Говорил же – волшебное заклинание. А как зовут-то тебя?

** МУСОХРАНОВ АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВИЧ (1921–2002). С июля 1942 г. воевал на Брянском, Воронежском и 1-м Украинском фронтах. Был шесть раз ранен. Отличился в боях при форсировании р. Днепра. Командир пулеметного расчета сержант А.Ф. Мусохранов в числе первых преодолел р. Днепр 30 сентября 1943 г, огнем из пулемета отразил атаки противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 13 ноября 1943 г.*

РАЗГОВОР

Пармений. Ты не молчи. А то я, это... что говорить, не знаю. Думал, болтать будем... А ты молчишь. Мож выпьем? За встречу-то!

Вчера вон дома был... Пацанов в «снайпера» играть учил. Снега нет. Камушки пуляли. Ага. Прямо в цель. Всех обыграл. Ой, да ну тебя! Я уже в детстве больше тебя накидывал... Я все думаю, это они из-за отцовских саней к нам пришли. Помнишь, он обледенелые сани в сердцах забрал? Донос ведь, не иначе. Мы тогда подумали: хорошо, что ты у родных – целее будешь. Веруся в дороге умерла. Мать с отцом там, на болотах... Сбежал я с Нарыма... Да, ты, наверное, и так знаешь. А подробности вспоминать не хочется... Полтыщи километров – но я дошел. Помню, в яме силосной всей родней прятались. А я не будь дураком – письмо Сталину накатал: мол, сирота, надеть неча. Прислали новые сапоги, пиджак, брюки. Я все новое надел и давай на погребке выплясывать. Смешно тебе? Ход-то продуманный!

Мне доложили: ты боец знатный. Да? Говорят, немцы всюду. Впереди. Справа. Слева. А ты – на линии главного удара. Вступил в бой с сорока танками и целым батальоном пехоты... Не дрогнул... Все как отец учил... Герой, не иначе. Ни один танк не проскользнул... А как ты думал, я все знаю.

А я тогда Днепр переплывал. Октябрь, холодно. Плыть только под водой. Тоже их танки знатно подбил. Моих четыре, твоих семь... На двоих у нас с тобой одиннадцать штук.

Вась, я как знал, что тебе там тоже не сладко. Хочешь верь, хочешь нет. Говорю товарищу: «Держись, брат». А у самого сердце не на месте. Но мы справились, да? Я, считай, только благодаря тебе выжил. Так что на тебе подвиг двойной. Даже не отнекивайся. Мне сказали, что ты в детдоме рос. Ты прости меня, брат. Я хотел, чтобы раньше... Видит Бог, хотел. Я горжусь, что ты брат мой – по крови и по сердцу. Мы справились. Ты все сделал правильно. Ты все сделал!

О-о-о, ты бы видел, как дома хорошо. Стоит, есть к чему прикоснуться, вспомнить, оглянуться. Найти на побеленном потолке дырочку от люльки, в которой мама нас укачивала. Родня собирается. Говорят о том о сем, всех добрым словом поминают. А как поют – ты бы слышал. Как затынут в голос – аж на сердце хорошо.

Идет снег.

Ты что, Васька, в «снайпера» играть удумал? Ну, смотри, я уже в детстве больше тебя накидывал...

* СИДЕЛЬНИКОВ ПАРМЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ (1923–1991). В армии с декабря 1941 г. На фронте с июня 1942 г. Наводчик орудия 206-го гвардейского легкого артиллерийского полка, сержант Сидельников отличился 6 ок-

тября 1943 г. в боях в районе с. Горностайполь (Киевская обл.). Отражал контратаки на днепровском плацдарме, уничтожил четыре танка, станковый пулемет и миномет с расчетами, много гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза присвоено 17 октября 1943 г.

* СИДЕЛЬНИКОВ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ (1921–1943). В армии с 1940 г. На фронте с 1942 г. Командир огневого взвода 107-го легкого артиллерийского полка, старшина Сидельников 21 декабря 1943 г. в районе деревни Гороховичи (Гомельская обл.) со взводом уничтожил семь танков и большое количество вражеской пехоты. Был ранен, но продолжал руководить взводом. Погиб в бою 21 декабря 1943 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 29 марта 1944 г. (посмертно).

ЗАЧЕМ Я ЖИВА

З и н а. Трое суток наша рота находилась в бою. В одной цепи с бойцами шли и мы, санитарки. Вместе ходили в атаку, перевязывали раненых, приходилось и стрелять. Счет часам потеряли. Холодно, мы посреди поля, много снега и непрерывно рвущиеся снаряды. Вдруг голос командира! Ранен! Я выскочила из траншеи и поползла по снегу. Поле перепаханно. Ползти тяжело, но куда ж мы без командира? Держитесь, я уже рядом! Еще немного. Я скоро! Я ощутила сильный удар в бедро. Подползла, и меня как будто обожгло – умер. Еще секунду пыталась понять, что мне делать дальше. Решила снять с него полевую сумку с документами и пистолет. Второй удар в бедро.

Раненная в обе ноги, истекая кровью, я стала отползать к своим. На какой-то момент потеряла сознание. Очнулась – немцы, идут в полный рост, пьяные, озверевшие, по дороге пристреливают раненных. Замерла. Притворилась мертвой. Все ближе и ближе топот немецких сапог, а я все думаю: застрелят или штыком колоть будут? Глаза все же открыла, не хочу умирать так... Надо мной склонился немецкий солдат. Мы встретились глазами. Совсем юный, почти такой же, как и я... Его лицо искривилось в злобе, и он ударил меня сапогом в живот. Потом несколько раз прикладом по голове. Дальше я ничего не помню. Сколько пролежала в снегу – не знаю...

Теперь вы знаете обо мне все. Без лишних вопросов. Помогите мне, это не займет много времени. Короткое письмо под диктовку. Мужу на фронт.

Письмо

«Милый мой, дорогой Иосиф! Прости меня за такое письмо, но я не могу больше молчать. Я должна сообщить тебе только правду... Я пострадала на фронте. У меня

нет рук и ног. Я не хочу быть для тебя обузой. Забудь меня. Прощай. Твоя Зина».

М е д с е с т р а. Милая Зина, я не буду отправлять это письмо. Я не могу. Попросите кого-нибудь другого, умоляю. Вы...вы должны... все будет хорошо, вы должны надеяться...

З и н а (про себя). Я была санитаркой. Мы обе знаем, какой ценой спасаем жизни. Молодой, красивый. А ты посмотри на меня? Не отворачивайся, посмотри. Хотела бы ты всю жизнь вот так смотреть и мучиться от жалости? Хочешь помочь, отправь письмо... Действовать решительно и ни в коем случае не давать себе шанс на жалость. Что подумает Иосиф? Мой муж. Что он ответит на это письмо? Да что бы там не было. Тут уже ничего не поделаешь. Зачем ему я? Прикованная к койке в двадцать три года, оставшаяся без рук и без ног? Я больше не смогу держать в руках автомат, не смогу вынести с поля ни одного раненого, даже перевязать никого не смогу. Больше не боец. Беспольна и для войны, и для любви. Не представляю, как дальше жить... Господи, зачем ты решил так? Почему здесь? Забери меня, прошу...

М е д с е с т р а. Молчите? Милая Зина, скажите хоть слово. Может, вам принести чего-нибудь? Письма ответного еще не приходило. Как только будет ответ, я тут же снесу к вам. Не холодно?

З и н а. Сегодня навестить раненых приходили рабочие оборонного завода. Говорят, что есть еще прогульщики и бракоделы. Как они могут? Меня очень взволновал их разговор. В такое-то время, когда наши перешли в мощное наступление, сейчас наоборот нужно собрать все силы... А тут... Свезите меня на завод!

М е д с е с т р а. А знаете... Это хорошая идея! Я попробую договориться. Только вот... На носилках можно. Вы свою историю расскажете... Сейчас это так нужно всем. (очень тихо.) Сотни людей смотрят на меня и ждут, что я скажу. Волнение стиснуло горло так, что и слова не вымолвить. Вот такой тревожный комок. Все они ждут. Ждут, что я скажу... Я должна сказать! Я должна.

З и н а. Я вынесла с поля 123 бойца. Теперь у меня нет ни рук, ни ног. Я больше ничего не могу сделать для победы... А вы можете. Вы можете сделать так, чтобы слезы вот таких вот девчонок были пролиты не зря. Разве справедливо, что таким молодым нам не прожить эту жизнь, не родить детей, не встретить старость... Но все это еще может быть, у наших детей... Разве ради этого не стоит сделать все возможное? Я не беспомощный инвалид. Я боец! Такой же защитник своей Родины, как и раньше... Разве не стоит сделать все возможное, чтобы жить?

М е д с е с т р а. Милая Зиночка, письмо пришло! Письмо от мужа! Открыть?

З и н а (про себя). Волнение вновь стиснуло горло. Пульс участился так, что сложно дышать. В груди сдавило... Кажется, что сейчас остановится сердце...

Письмо

«Милая моя малышка! Родная моя страдала! Никакие несчастья и беды не смогут нас разлучить. Нет такого горя, нет таких мук, какие бы вынудили забыть тебя, моя любимая. И у радости, и у горя – мы всегда будем вместе. Я твой прежний, твой Иосиф. Вот только бы дождаться победы, только бы вернуться домой, до тебя, моя любимая, и заживем мы счастливо. Вчера твоим письмом поинтересовался один из моих друзей. Он сказал, что, судя по моему характеру, я должен с тобой отлично жить и в дальнейшем. Я думаю, он правильно определил. Вот и все. Писать больше некогда. Скоро пойдем в атаку. Желаю быстрого выздоровления. Ничего плохого не думай. С нетерпением жду ответ. Целую бесконечно. Крепко люблю тебя, твой Иосиф».

* ТУСНОЛОБОВА-МАРЧЕНКО ЗИНАИДА МИХАЙЛОВНА (1920 – 1980). В армии с 1942 г., окончила курсы медсестер. Санитарка 849-го стрелкового полка, рядовая Туснолобова за 8 месяцев пребывания на фронте вынесла с боя 123 раненых. В феврале 1943 г. в бою за ст. Горшечное (Курская обл.) была тяжело ранена, обморожена. Врачи спасли ей жизнь, но она лишилась рук и ног. Звание Героя Советского Союза присвоено 6 декабря 1957 г.

ОГОНЬ НА МЕНЯ

Ш и л и н (помехи). Школа – Пятому. Школа – Пятому. Как меня слышно? Прием!

Тишина.

Ш и л и н (помехи). Школа – Пятому. Ответьте! Прием! Да где вы там все!

П я т ы й. На приеме. Школа! Пятый на связи! Обстановка? Прием.

Ш и л и н. Противник прорвался! Окружают позицию. Их тьма! Патронов нет! Повторяю: окружают позицию! Координаты квадрат 37-09, точка 51-86. Прошу огня!

П я т ы й. Школа! Уточните местоположение...

Ш и л и н. Противник почти на моей позиции! Пятый, давай уже! А то задубел. Хоть согреюсь... Дай огоньку! Прием! Ну, давайте же. Ближе-ближе! Чего замерли?

П я т ы й (помехи). Школа. Ждите подмогу!
Слышите меня? Прием!

Ш и л и н. Дистанция меньше ста метров.
Выбора нет. Пятый! Выбора нет! Повторяю:
квадрат 37-09, точка 51-86! Прием!

Шум.

П я т ы й. Школа! Прием! Школа!

Шум.

Ш и л и н. Вызываю огонь на себя!

Грохот.

Ш и л и н (*про себя*). Вспышка. Белый свет озарил все вокруг. Земля поднялась и обрушилась вниз. Умирать страшно. Мысли путаются. Я попытался пошевелиться. Ватник пристыл, а может, придавило... Острая боль пошла по всему телу... Света уже не видно. Только маленький луч. Может, я его и вовсе выдумал. Так странно, будто тебя со всех сторон плитами зажали, но ты в невесомости. Летишь по длинному тоннелю. И нет у тебя ни размера, ни формы.

Морозный вечер. Я маленький. Мне лет семь. Лежу на полатах, укрытый тулупом. Пахнет махоркой. Дед, как всегда, не спит. А я притворяюсь. Зажмуриваю глаза каждый раз, когда он поворачивается в мою сторону. Заругает. Точно заругает. А он, заметив мое притворство, вдруг говорит: «Сахар будешь?» А я быстрее отвечаю, что буду. Значит, сегодня день особенный. Я грызу кусочек очень медленно, чтобы подольше. Сколько сахарок буду грызть, столько продлится история. Дед, бывалый солдат еще старой армии, расскажет про войну, про далекие земли, про подвиги. Кажется, уже тогда мне было понятно, какие испытания меня ждут. Но огонь разгорается сейчас внутри, и ничего с ним не поделать. Он горит и делает все вокруг больше, значимей. Ты понимаешь,

что есть что-то таких размеров, что ничем не измерить...

Помню, когда я заговорил о том, что хочу стать военным, дед усмехнулся и замолчал. А потом сказал такую фразу: «Там смелым надо быть. Солдат без смелости – телега без колес». Телега без колес...

Когда переправились, я на берег выскочил, а там нас немчура встречает. Ну, я и кинулся в рукопашку их укладывать. Восемь уложил, и силы начали покидать. Мне кто-то из наших жизнь спас. Не видел кто, со спины схватил и отвадил от меня. А я ему даже руку не пожал. Поблагодарить не успел. Вот это обидно...

Шум.

М у ж с к о й г о л о с. Школа! Вон рука! Рука чья-то! Видите? Все сюда. С того края бери. Взяли! Взяли! Дышит! Откидывай! Сюда тяни! Зажало! Не могу! Тащи давай! Школа, ну ты и сволочь! Мы тебя похоронили уже. Школа, родной. Зовите старшину. Надо его в госпиталь срочно! Держись, только держись, брат!

* ШИЛИН АФАНАСИЙ ПЕТРОВИЧ (1924 – 1982). Окончил Томское артиллерийское училище в 1943 г., направлен на фронт. Командир взвода управления 132-го гвардейского артиллерийского полка, лейтенант А. П. Шилин с передовыми подразделениями 25 октября 1943 г. форсировал Днепр в районе г. Запорожья, умело управлял огнем артиллерии. Звание Героя Советского Союза присвоено 22 февраля 1944 г. Начальник разведки дивизиона 132-го гвардейского артполка, лейтенант А. П. Шилин при наступлении в январе 1945 г. разведывал огневые точки противника, которые были уничтожены. Награжден второй медалью «Золотая Звезда» 24 марта 1945 г. А. П. Шилин – самый молодой дважды Герой Советского Союза. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени и др. орденами и медалями.

